

СТАТЬИ

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ КРИТИКИ

Л. С. Гапоненко, А. Н. Сахаров, Г. Л. Соболев

Современный этап исторического развития характеризуется резким обострением идеологической борьбы между капитализмом и социализмом. «Весь огромный аппарат антикоммунистической пропаганды, — отмечается в постановлении апрельского (1968 г.) Пленума ЦК КПСС, — нацелен сейчас на то, чтобы ослабить единство социалистических стран, международного коммунистического движения, разобшить передовые силы современности, попытаться подорвать социалистическое общество изнутри»¹. Активно идеологические силы буржуазии выступили в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции, когда империалистическая буржуазия и послушная ей пропагандистская машина решили дать очередной бой марксистско-ленинскому мировоззрению, коммунистической идеологии. Острые баталии разгорелись на историческом фронте, который всегда был и остается ареной ожесточенных идеологических схваток двух противоположных мировых социально-экономических и политических систем. Как цинично заявил один из буржуазных реакционных советоведов, Р. Фишер (США), «сражения 1917 года все еще продолжают на историческом фронте».

Едва обозначились первые признаки приближающегося юбилея, как буржуазная идеологическая машина стала набирать ход. Специально к юбилею в США, ФРГ, Франции, Англии, Канаде были приурочены крупные издания, посвященные истории русского революционного движения, Февральской и Октябрьской революциям, иностранной интервенции и Гражданской войне, пятидесятилетнему историческому пути, пройденному советским народом. Вышло в свет новое издание известного трехтомника английского историка Э. Карра «Большевистская революция», изданы «История меньшевизма» под редакцией Л. Хаймсона, «Россия в 1917 г. Февральская революция» Д. Каткова, «Русские анархисты» П. Авриха, «Русские большевики и Версальский мир» Д. Томпсона, «Добровольческая армия и союзная интервенция в Южной России 1917—1921 гг.» Д. Бринкли, «Неоконченная революция. Россия 1917—1967» И. Дейчера, «Красный Октябрь» Р. Даниэлса и др. В США и странах Западной Европы было издано огромное количество брошюр, посвященных истории Октябрьской революции и истории советского общества на различных этапах его развития. Основная цель этих изданий — опорочить советский строй, доказать его несостоятель-

¹ «Правда», 11. IV. 1968.

ность и неприемлемость для других народов². Начиная с марта 1967 г. в стенах Гарвардского, Колумбийского, Принстонского и других ведущих американских университетов и исследовательских центров систематически стали проводиться всякого рода «теоретические» конференции, симпозиумы, семинары и коллоквиумы, в центре внимания которых находился 1917 год и его влияние на судьбы современного человечества. Наряду со всем этим осуществлялась широкая публикаторская программа. К подготовке соответствующей литературы была привлечена большая группа «советоведов».

Выходящие в США, Англии, ФРГ и других странах многочисленные периодические издания различных исторических ассоциаций, центров и университетов предоставили в 1967 г. свои страницы наиболее видным западным авторитетам в области Октябрьской революции и советоведения. Тон этим выступлениям задал американский журнал «Russian Review», тесно связанный с реакционной антисоветской эмиграцией и наиболее яркими противниками коммунизма. Первая «юбилейная» статья этого журнала появилась еще в январском номере за 1965 год. С ней выступил один из самых крупных специалистов по истории СССР, автор многочисленных трудов У. Чемберлин, который поставил задачей осмыслить 50 лет Советской власти, настроить своих западных коллег на «боевой» лад³. Редактор «Russian Review» фон Мореншильдт, открывая вводной статьей январский номер за 1967 г., обещал, что его журнал внесет свой вклад в разработку недостаточно изученных аспектов революции в России в 1917 году. «Настало время, — писал он, — подвести итог 50 годам Советской власти и дать оценку факторам, свидетельствующим как о ее прочности, так и, по-видимому, о ее слабости и упадке»⁴. В течение 1967 г. в четырех номерах этого журнала было опубликовано семь статей, посвященных революционным событиям в России в 1917 г., а также ряд крайне тенденциозно подобранных воспоминаний (З. Шаховской, младшей сестры ярого врага Советской власти князя Д. Шаховского, Е. Извольской, дочери русского посла во Франции А. Извольского, эмигранта С. Пушкарева и др.). Октябрьский номер «Russian Review» был полностью посвящен истории Октябрьской революции, а центральная статья — «Большевистская игра» — написана профессором Вермонтского университета Р. Даниэлсом, автором многих других работ по истории СССР, в том числе и недавно опубликованной книги «Красный Октябрь»⁵.

Орган Американской ассоциации содействия развитию славяноведения «Slavic Review» провел на страницах своего первого номера за 1967 г. «симпозиум по коммунизму», в котором приняли участие профессор Висконсинского университета Дж. Армстронг, профессор Мичиганского университета А. Мейер, профессор Вашингтонского университета Дж. Каутский и другие. В предисловии к этому номеру редактор «Slavic Review» Г. Робертс писал, что его выходом журнал отмечает

² Новейшая буржуазная литература по истории Октябрьской революции частично уже была предметом обстоятельной критики в ряде работ советских ученых: Э. Арабаоглы. Социалистическая революция и псевдореволюционное мифотворчество. «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 7; В. И. Салов. Современная буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции. «Вопросы истории», 1967, № 11; Л. Е. Тарасевич. Критика буржуазных фальсификаций народного характера Великой Октябрьской социалистической революции. «Борьба большевистской партии за создание политической армии социалистической революции». Сборник статей. М. 1967; Ю. И. Игрицкий. Юбилей Октября и буржуазная историография. «История СССР», 1968, № 3; А. О. Чубарьян. Буржуазная историография Октябрьской революции. «Вопросы истории», 1968, № 1.

³ W. Chamberlin. Three Eras of the Soviet Communism. «Russian Review», 1965, vol. 24, № 1, pp. 3—5.

⁴ «Russian Review». 1967, vol. 26, № 1, p. 3.

⁵ R. Daniels. Red October. N. Y. 1967.

50-летие начала «рокового революционного года в России»⁶. Во втором номере журнала за 1967 год с большой статьей «Отсталость и индустриализация в русской истории и общественной мысли» выступил сотрудник Гуверовского института войны, революции и мира Б. Вольф.

В октябрьском номере американского журнала «Foreign Affairs», органа совета внешних сношений, помещена статья «50 лет Русской революции. Ее природа и последствия», автором которой является Дж. Кеннан, один из самых видных западных авторитетов в области советско-американских отношений и внешней политики.

Редакция журнала «Soviet Studies», органа университета в Глазго (Шотландия), открывая январский номер за 1967 г., заявила, что журнал хочет отметить 50-летие революции в России дискуссией об этом событии, обратив основное внимание на те вопросы, которые до сих пор не находились в поле зрения исследователей⁷. На страницах журнала вместе с английскими историками выступили и их коллеги из США. Октябрьский номер за 1967 г. открывался статьей профессора Вашингтонского университета Т. фон Лауэ о причинах русской революции в 1917 г.⁸ Вся эта «юбилейная» кампания широкой публикации антисоветских материалов на страницах буржуазных газет и журналов дополнялась организацией антисоветских передач по радио и телевидению.

Следует подчеркнуть, что штаб-квартирой антисоветской, антикоммунистической пропаганды в связи с юбилеем Октябрьской революции стали США. Именно здесь было выпущено наибольшее количество «юбилейной» литературы, именно в этой стране колоссальные средства фондов Форда, Карнеги и др. подпирают «исследования» американских и европейских буржуазных советологов. Не случайно председатель Коммунистической партии США Гэс Холл в начале ноября 1967 г. отмечал ведущую роль США в этой пропагандистской кампании: «Активно проявляющийся в США антикоммунизм вообще и антисоветизм в частности представляют собой наиболее массивное идеологическое усилие в истории. Штаб-квартира его находится здесь, в Соединенных Штатах, но деятельность проводится в мировом масштабе... В Соединенных Штатах Америки освещение этого события (юбилея Великой Октябрьской социалистической революции.— Авт.) в печати, по радио и телевидению беспрецедентно. Никакая другая годовщина не вызывала такой лавины книг, специальных изданий журналов, статей в газетах, публикуемых на первых полосах изо дня в день, неделя за неделей, посвященных ей программ радио и телевидения, специальных лекций и курсов в колледжах, дебатов и речей...»⁹.

Прежде чем переходить к характеристике основных направлений буржуазной исторической литературы, необходимо несколько слов сказать о самой форме выступлений буржуазных историков. Давно уже буржуазный исторический мир не знал столько дискуссий, симпозиумов, коллоквиумов, сколько вызвал 50-летний юбилей Великого Октября. А ведь было время, когда сама мысль о дискуссионности проблем Октябрьской революции и истории советского общества была неприемлема для буржуазных историков. Они не искали здесь альтернативы. Октябрьская революция и последующая история Советского Союза подвергались беспартийному остракизму. Что же означает эта тенденция к дискуссионности? На первый взгляд может показаться, что речь идет о новой, «демократической» форме обсуждения проблем Октября, о стремлении мобилизовать все научные силы для выявления истины, объективно, всесторонне подойти к истории великого исторического со-

⁶ «Slavic Review», 1967, vol. 26, № 1, p. 3.

⁷ «Soviet Studies», 1967, vol. 18, № 3, p. 265.

⁸ T. von Laue. Westernization. Revolution and Search for a Basic of Authority-Russia in 1917. «Soviet Studies», 1967, vol. 19, № 2.

⁹ «Правда», 2. XI. 1967.

бытия. Собственно, об этом и заявляли устроители разнообразных обсуждений проблем Октября. Подобного рода декларации организаторов дискуссий служат лишь прикрытием целей этих дискуссий. Суть этой новой формы изучения истории Великого Октября заключается в том, чтобы под прикрытием «широко научных», «абсолютно объективных» обсуждений как можно шире, как можно тоньше, убедительней пропагандировать идеи, дискредитирующие Октябрь, проповедующие антисоветизм и антикоммунизм. Новая форма — дань времени. Ныне многие буржуазные идеологи не прибегают к прежним примитивным лобовым атакам на историю Великого Октября (таким методом они бы и не привлекли слушателей и читателей). Поэтому они стали изыскивать новые формы «изучения» Октябрьской революции.

Новая форма — старое содержание

Еще задолго до 50-летия Великого Октября в буржуазной исторической литературе стали раздаваться голоса в пользу «нового подхода» к изучению истории пролетарской революции в России и ее последствий. Суть этого подхода заключается в том, что буржуазные историки постепенно начали отказываться от прежних, «примитивных», по их мнению, концепций Октябрьской революции, которые рисовали ее как ужасающую кровавую бессмысленную драму, и стремились выдвинуть новые версии истории Октября, более соответствующие «духу времени». Главное, что отличает «новый подход» современных буржуазных историков к изучению Октября, заключается в их отказе от идеи «случайности» этой революции. Одним из первых четко выразил эту тенденцию в конце 50-х годов английский историк Эрнст Бук. Он писал, что после Октябрьской революции многие предсказывали неминуемую гибель России и недолговечность новой власти. Эта точка зрения, писал Э. Бук, «была полностью опровергнута последующим ходом событий; изумительное превращение России за столь короткий срок во вторую мировую индустриальную державу расценивается теперь как самое выдающееся событие этого столетия»¹⁰. А вот что писал несколько позднее канадский историк Р. Макнил (Университет Альберты) во введении к книге «Русская революция. Почему победили большевики»: «Русская революция 1917 г. была, по существу, периодом борьбы за будущее страны»¹¹. Р. Макнил подчеркивал, что независимо от того, как ее назвать, «неизбежным следствием» или «поворотным пунктом», русская революция остается одним из решающих исторических событий, «коротким, но жизненно важным звеном между веками царской власти и нынешним коммунистическим режимом». Профессор политических наук университета штата Мичиган (США) А. Мейер признавал: «Бесспорно, идеи и традиции деятельности В. И. Ленина, лидера русской революции, захватили воображение миллионов людей в наше время»¹². Французский историк Ж. Дюше отмечал, что коммунизм изменил «направление истории человечества»¹³. Дж. Кеннан, выступая с «юбилейной» статьей в журнале «Foreign Affairs», назвал русскую революцию «величайшим политическим событием XX в., оказавшим глубокое влияние на ход мировой истории, на распад колониальной системы и жизнь одного из великих народов». «Даже те из нас на Западе, кто сомневается в советских успехах и выступает против тех методов, которыми они достигаются, — пи-

¹⁰ E. Book. The Russian Revolution in Today's Perspective. «History Today», L., 1957, vol. VIII, № 12, p. 830.

¹¹ R. H. MacNeal (ed.). The Russian Revolution. Why did the Bolsheviks win? N. Y. 1959, pp. 1—2.

¹² См. «Правда», 13. VII. 1967.

¹³ J. Duché. Le grand tournant. Histoire du monde. Vol. 4. 2-ème P(artie). P. 1966, p. 91.

шет Дж. Кеннан,— должны признать ту впечатляющую реальность, ту плоть и кровь, в которую теперь претворена мечта русской революции. Их революция безвозвратно стала неотъемлемой частью истории»¹⁴.

Другой американский историк, Дж. Биллингтон, накануне 50-летия Великого Октября писал: «Если для мыслителя XIX века было центральной проблемой определить свое отношение к Французской революции, то для современного человека такой проблемой является оценка русской революции. Последняя задача стала более решающей, потому что теперь почти миллиард людей на земном шаре заявляют, что они являются наследниками и защитниками русской революции. Силы, вызванные к жизни переворотом 1917 года, еще энергичнее и еще ошутимее дают о себе знать, чем силы, порожденные Французской революцией 1789 г. и «веком демократической революции»... Сколь ни противоречивы различные свидетельства в истории, вряд ли можно сомневаться в том, что в 1917 г. в России произошла вполне реальная революция, которая отвечает определению этого слова в современных словарях: «переворот и коренное изменение в политической организации». Говоря об Октябрьской революции, подчеркивает Дж. Биллингтон, «это слово нужно писать с большой буквы»¹⁵.

Наиболее четко «новый подход» к изучению Октябрьской революции проявился в работах маститого английского историка Э. Карра. В 1958 г. в своей книге «История Советской России. Социализм в одной стране. 1924—1926» он писал: «То, что я называю стандартной точкой зрения на советскую историю в годы после революции,— а именно, что она была результатом деятельности решительных людей (по мнению одних, просвещенных первооткрывателей, по мнению других, жестоких негодяев), которые ясно сознавали, чего они хотели и куда они шли,— кажется мне почти целиком ошибочным»¹⁶. В начале 60-х годов точка зрения Э. Карра была поддержана некоторыми историками на 6-й сессии английского «Общества исследователей СССР», а писавший в западногерманском журнале «Osteuropa» отчет об этой сессии П. Книрш отметил: «Профессор Карр (Кембриджский университет), изучая вопрос, ...следует ли видеть в Октябрьской революции специфически русское явление или ей свойствен универсальный характер, сильнее, чем другие участники дискуссии, склонялся к первому тезису... Карр признал пролетарский, социалистический характер Октябрьской революции, видя сущность пролетарской революции в том, что она «сильнее направлена на социальные и политические изменения». Причиной такого характера революции 1917 года он считает «более высокое социальное и политическое самосознание нашего столетия»¹⁷. В работах Э. Карра, переизданных к 50-летию Октябрьской революции, этот тезис находит свое полное отражение.

В ряде статей, опубликованных в буржуазной периодической печати в связи с 50-летием Октября, четко прослеживается призыв к «более обстоятельному» освещению истории русской революции, к обновлению интерпретации различных ее аспектов и т. д. Так, в уже упоминавшейся редакционной статье американского журнала «Russian Review» за январь 1967 г. говорится: «В 1967 году отмечается годовщина великого российского переворота 1917 года. За прошедшие полвека в западном мире было опубликовано громадное количество материалов о двух роковых событиях 1917 года: падении монархии и захвате власти большеви-

¹⁴ G. Kennan. Fifty Years of the Russian Revolution. «Foreign Affairs», 1967, vol. 46, № 1, pp. 10, 14, 20.

¹⁵ J. H. Billington. Six Views of the Russian Revolution. «World Politics». Vol. 18, № 3, April 1966, pp. 452—453.

¹⁶ E. H. Carr. A History of Soviet Russia. Socialism in one Country. 1924—1926. Vol. 1. L. 1958, p. VI.

¹⁷ «Osteuropa» 11. Jg., 1961, Hf. 4—5.

ками. В общем и целом первоначальные эмоции, характерные для периода, последовавшего за кровавой революцией и гражданской войной, теперь уже поулеглись. И все же в интерпретациях этого сложного переворота, ознаменовавшего поворотный пункт в истории России и всего мира, до сих пор отмечаются большие расхождения у различных западных ученых и авторов. С исторической точки зрения некоторые аспекты революции 1917 г. еще нуждаются в изучении и переоценке»¹⁸.

Подобный «новый подход» к проблеме Октября, наметившийся еще задолго до юбилея, вызвал резкие критические замечания со стороны буржуазных ортодоксов и воинствующих антисоветчиков. Так, перепуганный этой тенденцией в буржуазной историографии небезызвестный А. Ф. Керенский поспешил объявить работы многих западных коллег «результатом доверия к псевдонаучным материалам, опубликованным Москвой»¹⁹. Особенно много достается в этой связи Э. Карру. Книга Карра, писал в 1966 г. уже знакомый нам Дж. Биллингтон, «является скрупулезно честной и точной в деталях, но перспектива в целом создается такая, будто книгу писал сдержанный, но влюбленный в свой предмет хроникер Центрального Комитета. Карр пишет хронику строительства нового порядка с позиций человека, довольно убежденного в том, что «политика Ленина была единственной мыслимой политикой с точки зрения эмпирических факторов текущей политики России в то время»²⁰.

Посмотрим, соответствует ли действительное изучение истории Октября в работах с «новым подходом» тем декларациям, которые вызывают такую бурю в мире буржуазной историографии, и что на поверку представляют собой те «закономерности», о которых так настойчиво толкует в последнее время буржуазная историческая наука.

Наиболее характерны в смысле «нового подхода» работы Э. Карра, самого «левого», с точки зрения буржуазных историков, а также последние, уже цитированные статьи Дж. Биллингтона и Дж. Кеннана, вышедшие в канун 50-летия Октября. В концепции Э. Карра решающим является принцип преемственности в истории. Все явления в истории преемственны и в то же время подвержены эрозии внутренней перемены. «Ничто в истории, что кажется непрерывным, не свободно от неуловимой эрозии внутренней перемены,— пишет Э. Карр,— ни одно изменение—каким бы невероятным и внезапным оно ни казалось—не разрушает полностью преемственности между прошлым и настоящим. Великие революции—обращение Римской империи в христианство, английская революция XVII в., французская революция, большевистская революция—примеры этого взаимодействия в его наиболее острой форме». Характеризуя Октябрьскую революцию, он подчеркивает, что «никогда еще наследие прошлого не отвергалось так резко, так широко или так вызывающе; никогда еще претензия на всемирное значение не утверждалась с такой непримиримостью; и никогда еще в предыдущих революциях разрыв преемственности не казался таким абсолютным»²¹. Но вот приходит время, и наконец достигается «новый» и «прочный синтез» прошлого строя и того, который вызван к жизни революцией. «Этот процесс,— утверждает Э. Карр,— может длиться несколько лет или на протяжении жизни нескольких поколений. Но, вообще говоря, чем больше расстояние во времени от начального толчка революции, тем более решительно принцип преемственности утверждает себя против принципа изменения»²². Итак, чем ближе к нашему времени, тем меньше остает-

¹⁸ «Russian Review», 1967, vol. 26, № 1, p. 3.

¹⁹ «The Russian Provisional Government. 1917. Documents». Vol. I. Stanford. California. 1961, p. VII.

²⁰ J. Billington. Op. cit., p. 463.

²¹ E. H. Carr. Op. cit., pp. 3—4.

²² Ibid., p. 4.

ся в Советском Союзе от идеалов Октября, тем больше наблюдается компромисс между революционными задачами и «определенными национальными интересами», носителями которых выступали прежние правители России. При этом Э. Карр, по существу, разрывает такие понятия, как пролетарская революция и национальные интересы страны, видя в революции лишь отвержение всего старого, а в «национальном интересе» некую абстрактную вневременную перманентную политику России как до, так и после Октябрьской революции. Для обоснования этого разрыва Э. Карр прибегает к помощи традиционного тезиса о привнесении марксизма с Запада на чуждую ему русскую почву, которая так и не приняла в конце концов «стигматы чуждого происхождения». Революция, которую возглавили большевики, по мысли Э. Карра, была задумана вовсе не как русская революция, а как «первый шаг в общеевропейской или всемирной революции; как исключительно русское явление она не имела для них (руководителей большевистской партии. — Авт.) ни ценности, ни шанса на выживание»²³. Таким образом, под концепцию преемственности дореволюционного режима и советского строя подводится хорошо известная троцкистская платформа перманентной революции, крах которой якобы и обусловил перерождение советского строя по пути к «русской национальной традиции».

Вот решающий вывод автора: «В течение нескольких лет нововведения, осуществленные в чрезвычайный момент под воздействием Запада, были вновь поглощены национальным окружением и приняли специфическую национальную окраску. В этом смысле «социализм в одной стране» был повторением того, что много раз случалось до того в русской истории»²⁴. Практически Э. Карр, выступая с объективистских позиций, критикуя прежнее огульное отрицание неизбежности и закономерности Октября, все дело сводит к тому, что уже вскоре после революции Советская власть вернулась к исходным дореволюционным «национальным» позициям, стала «перерождаться». Естественно задать вопрос критикам Э. Карра за рубежом: а чем они, собственно, недовольны? Разве этот «новый подход» в своей основе не является таким же антисоветским, только более закамуфлированным? Некоторый пересмотр Э. Карром старых концепций, отход от примитивизма, усложнение аргументации — все это вызвано стремлением совершенствовать формы и методы идеологической борьбы на историческом фронте. И надо сказать, что его усилия в этом оказались безуспешными. Труды Э. Карра весьма популярны на Западе. Заметим, кстати, что работы Э. Карра выгодно отличаются научным подходом к фактической стороне вопроса. Э. Карр признает социальные и экономические достижения советского строя, но в концепционном отношении его работы представляют лишь одно из направлений буржуазной историографии, которая с точки зрения западной буржуазной науки наиболее полно отвечает запросам времени. Не случайно некоторые буржуазные историки, вроде Биллингтона, рекомендуют работу Э. Карра по истории Октябрьской революции в качестве учебника.

Эта же тенденция ярко проявилась и в статье Дж. Биллингтона «Шесть точек зрения на Октябрьскую революцию». Не одна, не две, а именно шесть! Читателю есть из чего выбрать, есть над чем подумать. Буржуазный историк готов преподнести своему читателю все точки зрения на русскую революцию, в том числе и марксистскую, разумеется, в своей интерпретации. Его не устраивает ни старая точка зрения о случайном характере революции, ни «героическая» концепция, как пишет автор, советской историографии о неизбежности революции, ни «тради-

²³ Ibid., p. 8.

²⁴ Ibid., p. 15.

ционалистская», ни «футуристская», ни «трагическая»²⁵. Дж. Биллингтону больше по душе так называемая «ироническая» точка зрения на русскую революцию 1917 г., история которой, по его мнению, полна «уже обнаруженными несоответствиями». Главное несоответствие он видит в том, что революция, которую предвидел К. Маркс, произошла не в передовых странах буржуазного Запада, как это он предсказывал, а в самодержавной и крестьянской стране²⁶. Сама по себе эта концепция ничего нового не содержит. Суть ее—в объективистском приеме исследования, являющемся также хорошо продуманной маскировкой старой буржуазной концепции истории Октября. Смысл всех этих тенденций один — утверждение враждебных марксизму-ленинизму концепций Октябрьской революции, усиление фронта борьбы с марксистско-ленинской исторической наукой.

Какие же идеи проповедают сегодня другие сторонники «нового подхода» буржуазной историографии Октябрьской революции? Э. Бук, например, излагает в своих работах концепцию «перерождения» коммунизма, «атрофии политических идей»²⁷. А. Мейер пытается историческое значение Октября противопоставить современному национально-освободительному движению, которое он называет «огромной революцией нашего времени». Он полагает даже, что, не будь русской революции, «глобальная революция проходила бы более успешно и быстро»²⁸. Дж. Кеннан, по существу, возрождает меньшевистскую версию о пассивности народных масс в революции. Признавая, что в революции участвовали широкие слои трудящихся, он вместе с тем проводит идею о пассивности народных масс России, которые были недостаточно привязаны к царизму, чтобы защищать его, но и недостаточно противостояли большевикам, чтобы противодействовать им в борьбе за власть²⁹. Р. Макнил объясняет успех большевиков в борьбе за власть лишь ошибками и политической близорукостью других партий³⁰. Модным стало в буржуазной историографии сравнивать исторические судьбы французской революции XVIII в. и Октябрьской революции 1917 года. Параллели с французской буржуазной революцией XVIII в. неизбежно кончаются утверждениями о перерождении обеих революций в контрреволюционную диктатуру³¹. Таким образом, каждый из вариантов «нового подхода» несет изрядный груз старого и, по существу, не содержит в себе нового, позитивного подхода к истории Октябрьской революции. В результате попытка буржуазных советоведов выработать «новый подход» к истории Октября подменена новой фразеологией, взятой зачастую из идейного арсенала меньшевиков и троцкистов. Она не способна вывести буржуазную историографию из того тупика, в котором та оказалась.

В преддверии 50-летия Октября и в период самого юбилея с новой силой прозвучали и откровенно старые, гальванизированные концепции Октябрьской революции, появившиеся на свет едва ли не сразу же после свержения в России буржуазно-помещичьего строя. Одной из них является концепция «случайности» Октябрьской революции. Ее идеологическая и политическая направленность сводится к отрицанию универсального, всемирно-исторического характера Октябрьской революции 1917 г. в России. Очевидно, что признание закономерности социалистической революции логически означает признание неизбежности крушения капитализма. Отсюда упорные попытки идеологов антикоммуниз-

²⁵ J. Billington. Op. cit., pp. 452—473.

²⁶ Ibid., p. 469.

²⁷ E. Book. Op. cit., p. 835.

²⁸ A. Meyer. Communism. N. Y. 1963, pp. 191—192.

²⁹ G. Kennan. Op. cit., p. 7.

³⁰ R. H. MacNeal. Op. cit., pp. 3—4.

³¹ J. Brown. Russia Explored. L. 1959, p. 91.

ма представить революцию результатом стихийно-капризного стечения обстоятельств или же по крайней мере ограничить ее значение рамками России.

Р. Даниэлс (Вермонтский университет) на сессии американских историков в 1962 г. утверждал, что «требование Ленина о захвате власти большевиками было реализовано случайно... Коммунизм как тоталитарное движение, основанное на захвате власти одной партией, в действительности возник только в процессе поисков пути к такому захвату власти»³². Во всех вариантах и разнообразии суть данной концепции сводится к предположительным спекуляциям: «если бы не началась мировая война»; «если бы последний русский царь был более решительной личностью»; «если бы Временное правительство проявило большую осмотрительность и гибкость» и т. д. и т. п. Иными словами, всячески внушается мысль, что в Великой Октябрьской социалистической революции нет ничего закономерного, что ее можно было бы при известных усилиях избежать. В нынешнюю эпоху социальных и национально-освободительных революций вывод о возможности предотвратить революцию, который делают буржуазные интерпретаторы Октября, играет важную роль в идеологической кампании империализма.

Одним из вариантов концепции «незакономерности» является тезис об Октябрьской революции как о простом «государственном перевороте», «конспиративном заговоре» большевиков, осуществленном горсткой решительных людей, навязавших свою волю стране в период хаоса и всеобщей дезориентации. Истоки этого тезиса прослеживаются еще в эмигрантской литературе, но он до сих пор широко используется в работах, посвященных проблемам Октября. Так, по утверждению английского советоведа Эд. Крэнкшоу, Октябрьская революция «не была народной революцией, а являлась быстрым государственным переворотом»³³. Указанный тезис тесно связан с инсинуациями относительно русского революционного движения, главным образом относительно Коммунистической партии (о заговорщической ориентации, «бланкизме» большевиков, о большевистском движении как партии элиты и т. д.). С ним перекликаются различные фальсификации насчет некоей роли германского империализма в «стимулировании» русской революции (фальшивки о финансировании большевиков германским министерством иностранных дел, легенда о «запломбированном вагоне» и т. д.)³⁴. Следует подчеркнуть, что данная фальсификация настойчиво проводится в самых последних работах, вышедших за рубежом (например, в упоминавшейся книге Г. Каткова (колледж Св. Антония, Оксфорд) о Февральской революции³⁵).

В буржуазных работах середины 60-х годов прочное место занял еще один старый реакционный тезис буржуазной историографии—о «насилии» большевиков в революции, хотя аргументация этого тезиса стала более сложной. Американский историк Дж. Кларксон писал, что Россия в силу географических причин развивалась не так, как западные государства. В этом смысле, замечает он, развитие России сходно с развитием США, которые тоже были мало связаны с Европой, «но США, в отличие от России, развивались в духе политического либерализма. Россия после Февральской революции тоже получила возможность развиваться по-новому, но большевики исключили эту возможность»³⁶.

³² «The American Historical Review», July 1962.

³³ Ed. Crankshaw. The Coup that Changed the World. «New York Times Magazine», 19.11.1967, p. 100; W. G. Andrews. Soviet Institutions and Policies. Inside views. Princeton. 1966, p. 6.

³⁴ См. J. Brown. Op. cit., p. 90.

³⁵ G. Katkov. Russia 1917. The February Revolution. N. Y. 1967.

³⁶ J. Klarkson. Russia and Future. «Russian Review», 1967, vol. 26, № 4, pp. 361—363.

Р. Даниэлс отмечал, что серия непредвиденных и случайных событий «свернула Россию с обычного курса современных революций и повернула на путь коммунизма XX века»³⁷. Для У. Чемберлина программа большевиков представляется «фантазией маленькой группы сектантов-фанатиков», и лишь в условиях 1917 г. эта программа, утверждает он, стала реальностью³⁸.

В 60-х годах среди буржуазных советоведов стала модной точка зрения о «политической беспринципности» большевиков. Они-де, агитируя массы за революцию, использовали и трудности военного времени³⁹ и стремление крестьян России получить помещичью землю. «Декрет (о земле.— *Авт.*) получил поддержку,— писал французский историк П. Сорлен в статье «Ленин и крестьянская проблема 1917 г.»,— так как давал удовлетворение. Поскольку он плохо согласовывался с марксистской доктриной, то должен был больше нравиться крестьянам, чем самим властям»⁴⁰. Об этом же писал и западногерманский буржуазный историк Г.-И. Торке, подчеркивая, что программа большевиков была просто-напросто прагматическим трюком, рассчитанным на усталое от войны, измученное земельным голодом население⁴¹. Подобные взгляды преследуют цель поставить под сомнение всю марксистско-ленинскую революционную теорию партии большевиков.

Была ли победа большевиков неизбежной? В чем причины успеха партии Ленина? — все эти вопросы и сегодня неизменно присутствуют в работах американских и английских историков, опубликованных в журналах в связи с 50-летием Советской власти. Ответы на эти вопросы не столь односложны, как несколько лет назад. Но суть этих ответов, несмотря на кажущееся разнообразие, неизменна. Часть историков по-прежнему видит одну из главных причин победы Октябрьской революции в «волевом насилии» Ленина и большевиков. Р. Даниэлс пишет, что успехи большевиков в захвате власти путем вооруженного восстания окажутся непостижимыми, если не принять во внимание «волю Ленина к власти»⁴². Такая постановка вопроса автоматически снимает проблему соотношения объективных условий и субъективного фактора в Октябрьской революции. Между тем при наличии объективных исторических условий для социалистической революции в России в 1917 году субъективный фактор, сознательная и организованная деятельность трудящихся масс приобрели решающее значение. На это постоянно указывал В. И. Ленин, который еще в 1905 году писал: «Ошибочно было бы думать, что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития. Нет, общество человеческое устроено не так разумно и не так «удобно» для передовых элементов. Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения,— тогда общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия»⁴³. Таким образом, постановка В. И. Лениным вопроса о роли субъективного фактора в революции предполагает обязательное наличие объективных исторических условий для ее свершения. Стремление буржуазных историков представить большевиков волюнтаристами является сознательным искажением теории и практики большевистской

³⁷ R. Daniels. Op. cit., p. 340.

³⁸ W. Chamberlin. Op. cit., pp. 4—5.

³⁹ См. рецензию Дж. М. Хитла на книгу П. В. Волобуева «Пролетариат и буржуазия в России в 1917 году» («Kritika», 1965, № 2, pp. 39—42).

⁴⁰ P. Sorlin. Lenin et le probleme paysan en 1917. «Annales», III-IV, 1964, pp. 279—280.

⁴¹ G.-Y. Torke. Die russische Geschichte in den Lehrbüchern der Höheren Schule der Bundesrepublik Deutschland. Albert Linibach Verlag. Braunschweig, o. J. S.

⁴² R. Daniels. Op. cit., p. 335.

⁴³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 11, стр. 366—367.

партии. Изображая большевиков сторонниками заговора и насилия, реакционная буржуазная историография всячески пытается представить их традиционными противниками мирного развития революции. Именно по этой причине ставится под сомнение разработанное В. И. Лениным положение о многообразии путей перехода к социализму, противопоставляется мирный путь завоевания политической власти Октябрьской революции⁴⁴.

Весь ход революционного развития России в 1917 г. показывает, что тактика большевиков в борьбе за победу социалистической революции основывалась на глубоком анализе расстановки классовых сил, руководствуясь которым большевики диалектически подходили к вопросу о путях завоевания власти.

Одной из главных черт буржуазной историографии является отрицание активного и сознательного участия народных масс в Октябрьской революции. В настоящее время, когда в историческом процессе неизмеримо возросла роль народных масс, которые на примере рабочих и крестьян России в 1917 г. овладевают уроками классовой битвы, буржуазные идеологи в борьбе против коммунизма придают особое значение извращению роли трудящихся в Октябрьской революции, продолжая повторять избитый тезис о пробуждении «темных инстинктов толпы».

Если мы обратимся к многочисленным статьям буржуазных историков об Октябрьской революции, опубликованным в 1967 г. в американских и английских журналах, то столкнемся в них, как правило, либо с замалчиванием роли трудящихся масс в революции, либо с ее фальсификацией в различных вариантах. Т. фон Лауэ видит основную причину падения Временного правительства в... предоставлении народу демократических свобод. Именно свобода, по его мнению, оказала разрушающее действие на состояние экономики, продовольственное дело. От вмешательства рабочих и их выборных организаций, пишет Лауэ, страдала только производительность труда⁴⁵. Оценивая силы большевиков в Петрограде к моменту Октябрьского вооруженного восстания, Р. Даниэлс приходит к следующему заключению: «Два полка, часть матросов, пара тысяч необученных красногвардейцев — это все, чем располагали большевики к началу переворота. И если бы остальная часть русской армии не была нейтральной или парализованной, Ленин никогда не имел бы шанса на захват власти»⁴⁶. Как утверждает Д. Анин, Октябрьское восстание в Петрограде «было скорее заговором тыловых солдат и матросов, чем революцией пролетариата»⁴⁷.

Трудно допустить, чтобы такой исследователь, как проф. Т. фон Лауэ, не был знаком с советской литературой о борьбе рабочих России в 1917 г. за контроль над производством. Ему, конечно же, известно, что именно рабочие и их выборные органы — фабзавкомы, созданные явочным порядком для борьбы с капиталистами, пытавшимися задушить революцию разрухой и голодом, расстройством промышленности, — прилагали все усилия для поддержания работы фабрик и заводов. Это они брали под свой контроль наем и увольнение рабочих, сырье и готовую продукцию, охрану предприятий. Дезорганизация производства, падение производительности труда происходили не по вине рабочих, как это бездоказательно считает Т. фон Лауэ, а в результате хозяйственной разрухи, порожденной империалистической войной, саботажем предпринимателей. Но если американский историк не хочет считаться с работами советских исследователей, то у него нет никаких оснований не доверять министерству промышленности и торговли Временного правительства.

⁴⁴ S. Moore. Three Tactics. The Background in Marx. N. Y. 1963, p. 93.

⁴⁵ T. von Laue. Op. cit., pp. 161—170.

⁴⁶ R. Daniels. Op. cit., p. 337.

⁴⁷ «Soviet Studies», 1967, vol. 18, № 4, p. 455.

которое в своей справке о положении на предприятиях Петрограда от 24 марта 1917 г. отмечало: «Относительно действующих на многих предприятиях фабрично-заводских комитетов надлежит указать, что в целом ряде случаев этим комитетам удается вносить некоторый порядок и дисциплину в рабочую массу...»⁴⁸. Что касается падения производительности труда, то для выяснения причин, по которым оно происходило, Т. фон Лауэ мог бы ознакомиться со сведениями о ходе работ, которые в апреле 1917 г. сообщали в Петроградское общество фабрикантов и заводчиков предприниматели столицы. Из 34 владельцев механических заводов Петрограда 15 указали на падение производительности труда, при этом в большинстве случаев в качестве главной причины такого положения назывался недостаток сырья и материалов, в отдельных случаях указывалось также на введение 8-часового рабочего дня; 10 владельцев сообщили, что производительность труда не изменилась, в остальных случаях данные о производительности труда отсутствовали. Примерно такая же картина наблюдалась и по другим группам промышленности⁴⁹. Эти данные показывают неправильность утверждений Т. фон Лауэ о деятельности рабочих России как причине расстройств промышленности. Чтобы рассеять его сомнение в «тенденциозности» вышеприведенного источника, сошлемся еще на мнение представителей фабричной инспекции России, которые на своем съезде в июне 1917 г. среди прочих вопросов обсуждали состояние производительности труда. Отвечая тем, кто видел причину понижения производительности труда в понижении интенсивности труда рабочих, один из выступавших на съезде говорил: «Этот вопрос — понижение производительности труда — очень сложный. Тут, может быть, играла роль более или менее интенсивная работа, также играл роль и недостаток материалов и топлива. Затем разруха и дезорганизация иногда происходили вследствие несвоевременной доставки различных орудий труда, металлов, так что это является, по-моему, односторонним взглядом»⁵⁰.

Понижая роль трудящихся масс в Октябрьской революции, современная буржуазная историография изображает психологию народных масс России в 1917 г. как нечто постоянное, видит в ней в первую очередь преобладание анархического и стихийного начал, которые использовали в своих целях большевики. Такой подход к этой еще мало разработанной в литературе проблеме по меньшей мере является антиисторическим. Весь ход развития событий от Февраля к Октябрю был периодом настойчивой и упорной борьбы большевиков за массы, в процессе которой стихийное чувство протеста против их угнетения постепенно превращалось в психологию масс в сознательное стремление покончить с властью буржуазии.

Будучи величайшим практиком и теоретиком революции, В. И. Ленин постоянно боролся за вовлечение стихийного движения в русло сознательной и организованной борьбы. Работу над прояснением сознания трудящихся масс В. И. Ленин рассматривал как одну из главных задач большевиков. «По инстинкту, по чувству, по влечению,—писал он в мае 1917 г.,—революции против капиталистов сочувствует в России большинство населения, именно пролетарии и полупролетарии, т. е. рабочие и беднейшие крестьяне. Но ясного сознания еще нет, нет, в связи с этим, и решимости. Развивать их — наша главная задача»⁵¹.

Придавая важное значение учету настроений трудящихся, В. И. Ленин при этом никогда не шел на поводу стихийно складывавшегося настроения и боролся против него, если оно тормозило дальнейшее разви-

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 360, л. 52.

⁴⁹ Там же, ф. 150, оп. 2, д. 38, лл. 17—23.

⁵⁰ Там же, ф. 23, оп. 29, д. 1, л. 295.

⁵¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 31.

тие революции, и в конце концов побеждал. Так было в период борьбы В. И. Ленина за Апрельские тезисы, когда части большевиков казалось, что массы не готовы для принятия ленинских лозунгов. Но гениальность В. И. Ленина в том и состояла, что на основе классового анализа он мог предвидеть дальнейший ход революции и выдвигать на каждом ее этапе лозунги, выражавшие насущные нужды народа. Так было и накануне Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, когда штрейкбрехеры революции Каменев и Зиновьев утверждали, что в массах нет настроения в пользу восстания. Это мнение, основанное на субъективной оценке настроения петроградских масс, часто приводится буржуазными историками в качестве доказательства тезиса о том, что накануне и в период вооруженного восстания народом владели усталость и пассивность.

Готовность масс к выступлению была одним из важнейших условий успеха восстания. Именно поэтому на заседаниях Центрального Комитета РСДРП(б) 10 и 16 октября этому вопросу было уделено огромное внимание. Всесторонний анализ настроения рабочих и солдат дал В. И. Ленин, который, выступая против капитулянтских взглядов Каменева и Зиновьева, показал, что при оценке настроения масс необходимо руководствоваться объективным учетом развития классовой борьбы⁵². Наблюдавшиеся накануне восстания признаки роста апатии и равнодушия масс не означали отсутствия их готовности к выступлению, а свидетельствовали лишь о том, что массы устали от потока резолюций и речей и требовали действий. Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде показала, как глубоко был прав В. И. Ленин, когда он в своем «Письме к товарищам» писал: «Нет, безнадежна позиция тех, кто, толкуя о настроении масс, свою личную бесхарактерность сваливает на массы. Массы делятся на сознательно выжидающих, на бессознательно готовых впасть в отчаяние, но массы угнетенных и голодных не бесхарактерны»⁵³.

В результате революционного воспитания и неустанной работы большевиков над прояснением сознания трудящихся их доверчиво-бессознательное отношение к Временному правительству после Февральской революции постепенно переросло в твердую решимость свергнуть это правительство. В свете этого видно, чего стоят утверждения реакционных американских историков о волюнтаризме и насилии большевиков над массами. Не «пара тысяч необученных красногвардейцев», как утверждает Р. Даниэлс, а свыше 20 тыс. рабочих Петрограда состояли накануне Октябрьского вооруженного восстания в Красной гвардии. Только на Путиловском заводе в Красную гвардию записалось более 2 тыс. рабочих⁵⁴. Что касается Петроградского гарнизона, то к моменту восстания он был полностью отвоеван большевиками у соглашательских партий. Об этом, в частности, свидетельствовали совещания представителей воинских частей Петрограда 21 и 22 октября, назначение комиссаров Военно-революционного комитета в 51 воинскую часть гарнизона столицы, присутствие в штабе ВРК 47 связных от 30 воинских частей⁵⁵ и многие другие факты, которые замалчиваются в современной буржуазной историографии Октябрьской революции.

Однако буржуазные историки понимают, что в условиях все возрастающего влияния идей марксизма-ленинизма и незыблемого более чем пятидесятилетнего существования Советской власти было бы нелепо объяснять успех большевиков только их «насилием» над «пассивными»

⁵² «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)». М. 1958, стр. 85, 94.

⁵³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 415.

⁵⁴ Е. Ф. Ерыкалов. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л. 1966, стр. 218—219.

⁵⁵ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы. М. 1957, стр. 249, 291—293.

массами. Поэтому они пытаются отыскать все возможные «негативные факторы», которые привели к победе Октябрьской революции. «Была ли в 1917 г. в России сила, которая представляла бы более типичное, «правое» решение?» — спрашивает Р. Даниэлс. По его мнению, эту силу представляли консервативные и военные круги, симпатизировавшие попытке генерала Корнилова захватить власть, но, увы, сожалеет Даниэлс, неудача Корнилова «положила конец этим чувствам»⁵⁶. Английский историк Л. Кочен упрекает кадетов за отсрочку созыва Учредительного собрания, если оно могло предотвратить «заговор большевиков»⁵⁷. Самым важным «негативным фактором», который имел решающее значение для победы большевиков, по мнению Дж. Кеннана, было то, что ни одна из соперничавших сторон или партий не была подготовлена к установлению своей власти. Большевики победили потому, продолжает он, что среди плохо организованных политических партий они были «единственной политической силой, которая обладала смелостью, дисциплинарным принуждением, ясно поставленной целью»⁵⁸. С точки зрения сотрудника Университета Восточной Англии У. Моссе, победа большевиков и поражение умеренных социалистов объясняются отсутствием в России демократических традиций⁵⁹.

В теории «негативных факторов», которые, по мнению буржуазных историков, привели к победе Октябрьской революции, особое внимание уделяется ошибкам мелкобуржуазных партий. В отличие от работ прошлых лет, восхвалявших деятельность эсеров и меньшевиков и усматривавших причину их неуспеха в подстрекательстве большевиков, современная буржуазная историография не скупится на критику в адрес соглашательских партий. Наиболее показательной в этом отношении является статья Д. Анина «Было ли неизбежным поражение Февральской революции»⁶⁰. Главной проблемой февральского режима, отмечает Д. Анин, было отношение к коалиции между буржуазией и умеренными социалистами. В обычное время, в нормальных условиях, пишет он, Керенский был бы прав, отстаивая принцип коалиционного правительства, как самого демократического правительства. Однако революция, справедливо замечает Д. Анин, требовала «ясных революционных решений, а не резолюций, которые удовлетворяли каждого в принципе, но никого на практике». Далее он признает, что «сменившиеся одно за другим четыре состава Временного правительства оказались неспособными найти решение таких жизненно важных и сложных проблем, как мир, земля и Учредительное собрание»⁶¹. Д. Анин недоумевает, почему лидеры эсеро-меньшевистских Советов — Церетели, Гоц, Чернов, Дан и другие — «так упорно цеплялись за классовое перемирие и коалицию»⁶². Единственное объяснение такой политики он видит в том, что лидеры эсеров, учитывая опыт революции 1905 г., «боялись изоляции революционного авангарда от широких масс и либеральных союзников в борьбе с абсолютизмом и потому стремились их не потерять». Подобно тому, как мелкобуржуазные партии в России оказались в 1917 г. не в силах решить поставленные революцией задачи, так и Д. Анин не смог ответить на центральный вопрос своей статьи, хотя ее содержание подводит к положительному ответу. Но весь ход развития революции в России в 1917 г. ответил на вопрос Д. Анина отрицательно, показав, что поражение эсеро-меньшевистского блока в пролетарской революции было закономерным. Касаясь многочисленных ошибок и просчетов лидеров мелкобуржуазных

⁵⁶ R. Daniels. Op. cit., p. 333.

⁵⁷ L. Kochan. Op. cit., p. 192.

⁵⁸ G. Kennan. Op. cit., pp. 6—7.

⁵⁹ W. Mosse. February Regime: Prerequisites of Success. «Soviet Studies», 1967, vol. 19, № 1, pp. 103, 108.

⁶⁰ «Soviet Studies», 1967, vol. 18, № 4.

⁶¹ Ibid., p. 446.

⁶² Ibid., p. 449.

партий, буржуазные историки умалчивают о главной, определившей все остальные. Путь к победе социализма лежал через диктатуру пролетариата. Этого не признавали эсеры и меньшевики, вставшие на путь сотрудничества с буржуазией с первых дней Февральской революции. Волею истории большевики возглавили народные массы в борьбе за победу социалистической революции и строительство нового общества. Эсеро-меньшевистские руководители, выступив против дальнейшего развития революции, предали интересы трудящихся, сомкнулись с контрреволюцией. Разоблачение их политики стало важнейшим условием перехода масс на сторону большевиков. Контрреволюционная сущность этой политики проявилась особенно ясно после корниловщины, когда трудящиеся массы воочию убедились в неспособности и нежелании эсеров и меньшевиков осуществлять коренные революционные преобразования. В резолюции, принятой 24 сентября 1917 г. на совещании членов ЦК РСДРП(б) с большевиками—делегатами Демократического совещания, отмечалось, что текущий момент характеризуется «окончательным высвобождением пролетариата из-под идейного влияния буржуазии, изживанием последних иллюзий беднейшего крестьянства и солдат»⁶³. В конце сентября 1917 г. В. И. Ленин писал, что народ отвернулся решительно и бесповоротно от мелкой буржуазии. Такова правда об истинной роли мелкобуржуазных партий в революции.

Концепция «индустриального общества» на службе антисоветизма

Большое место в современной буржуазной историографии Октябрьской революции занимает концепция так называемого индустриального общества. Концепция эта не нова⁶⁴. Крупным специалистом в разработке ее является американский экономист У. Ростоу. Подменяя процесс социально-экономического развития общества стадиями технического прогресса, У. Ростоу считает, что опыт социалистической индустриализации — это всего лишь национальные особенности России⁶⁵. Автор отрывает производительные силы от производственных отношений и форм собственности. В книгах А. Улама, А. Мейера, А. Гершенкрона и других пропагандируется концепция У. Ростоу об индустриальном обществе⁶⁶. Любопытно, что одни буржуазные историки, опираясь на эту теорию, выхолащивают социальный смысл Октябрьской революции, ограничивают ее чисто индустриальными задачами; другие с помощью этой концепции пытаются доказать «нелогичность» Октября.

По убеждению Р. Даниэлса, все теории, рассматривающие Октябрьскую революцию как результат естественного хода исторических событий, «страдают серьезными недостатками». Победа Октябрьской революции, пишет он, противоречит марксистской теории пролетарской революции, поскольку эта революция пришла не в передовые страны Запада, а в Россию⁶⁷. В. Вольф упрекает советских историков в том, что они будто доказывают два прямо противоположных положения: с одной стороны, «они изображают царскую Россию отсталой, косной, в сущности, лишенной промышленности и неспособной к индустриализации»; с другой, говорит Вольф, «они стремятся показать, что Россия была

⁶³ «Рабочий путь», № 23, 29. IX. 1917.

⁶⁴ См. подробнее критику этой концепции: И. Н. Олегина. Современная американская и английская историография об индустриализации в СССР. «Вопросы истории», 1966, № 3.

⁶⁵ W. W. Rostow. The Studies of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge. 1960, pp. 38, 59, 66.

⁶⁶ A. B. Ulam. The New Face of Soviet Totalitarianism. Harvard University Press. Cambridge. (Mass.). 1963; A.-G. Meyer. Leninism. Harvard University Press. Cambridge (Mass.). 1957; A. Gershenkron. Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge (Mass.). 1962.

⁶⁷ R. Daniels. Op. cit., pp. 331—332.

достаточно развита в промышленном отношении и имела довольно значительный рабочий класс и индустриальные традиции, достаточные для того, чтобы сделать страну «зрелой» в 1917 г. для социалистической революции»⁶⁸.

Тезис о противоречии марксистско-ленинской теории пролетарской революции в России сам по себе не является чем-то новым в буржуазной историографии, он давно уже находится у нее на вооружении. Один из известных американских «специалистов» в области теории марксизма-ленинизма, Г. Маркус, утверждает, что большевистская революция не принадлежит к числу тех революций, в результате которых, исходя из положений марксизма, можно ожидать победы социализма: активный элемент в ней был представлен «революционной элитой» и в большинстве своем крестьянскими, а не рабочими массами. Согласно точке зрения Маркуса, социалистическая революция не могла произойти в отсталой, промышленно слаборазвитой стране, где не существовало указанных Марксом предпосылок⁶⁹. Западногерманский историк М. Грас безапелляционно заявляет, что в России «пролетариата в собственном смысле слова перед революцией не существовало вовсе; сама революция была совершена элитой профессиональных революционеров, представлявшей собой нечто вроде ордена»⁷⁰.

Известной модификацией концепции «незакономерности» пролетарской революции в силу отсталости России является точка зрения на Октябрьскую революцию как на «исключительное, чисто русское» явление, обусловленное особенностями русской истории, географии, национального характера. Данная точка зрения рассматривает Россию вне общего процесса европейской истории, как страну, где близость Азии и специфика «загадочной» русской души создали особую, неповторимую «евразийскую культуру». Отсюда сама Октябрьская революция рассматривается (в противопоставление Февральской) не как новый, высший, социалистический этап революции, а как реакция специфически русского, «азиатского», «византийского» на «европеизм» Февральской революции, как и всего «европейского» послепетровского периода развития России. «Октябрьская революция привела на деле к устранению, — по крайней мере в области культурной и социальной, — многих из наиболее «западных» элементов в российском обществе»⁷¹, — пишет английский советолог У. Моссе. Указанный взгляд характеризует любопытное переплетение реакционных идей славянофилов со своего рода геополитическим мистицизмом. Исходя из этой концепции, некоторые буржуазные авторы и в наши дни традиционно стремятся изображать революцию как стихийный процесс, всеразрушающую силу. Характерна в этом отношении вышедшая к 50-летию Октября книга французского буржуазного историка Ж. Марабини «Повседневная жизнь в России во время Октябрьской революции». Он пишет: «Ужасная волна показала свою разрушительную мощь. Подавленные, натравленные один на другого, эти люди после векового рабства подчинялись только собственной слепой силе»⁷². Отсюда два шага до новых грубых фальсификаций. Искжая сущность революционных преобразований русского общества, начатых Октябрем, буржуазная историография силится представить этот освободительный процесс как процесс «закрепощения» масс, создания антидемократического режима нового типа — тоталитаризма⁷³. При этом буржуазные советоведы пытаются отыскать корни «тоталитарного» характера Октябрьской революции в особенностях русской истории и русского нацио-

⁶⁸ «Slavic Review», 1967, vol. 26, № 2, p. 199.

⁶⁹ H. Marcuse. Soviet Marxism. A Critical Analysis. N. Y. 1958.

⁷⁰ M. Grac. Russland (Die UdSSR). Nürnberg. 1960, S. 85.

⁷¹ «Soviet Studies», April 1963, p. 460.

⁷² J. Marabini. La vie quotidienne en Russie pendant la Révolution. P. 1967.

⁷³ Ed. Crankshaw. Op. cit., p. 100.

нального характера, опираясь на концепцию «преемственности», а также на фрейдистское учение о «тоталитарной личности».

Сегодня в рамках современных «глобальных» концепций западных социологов и историков, и в первую очередь теории «единого индустриального общества», «отсталость» России и связанные с этим «противоречия», найденные в работах советских историков, находят иное, более тонкое «разрешение». Если победа социалистической революции в России, писал О. Тэйлор, противоречит предсказаниям К. Маркса, то она объяснима в условиях современной социальной и экономической эволюции, которую не мог знать К. Маркс. По Тэйлору, революция в России победила по причине задержки начала индустриализации⁷⁴. Не правда ли, как все просто и ясно: Октябрьская революция — обычное последствие мирового промышленного развития! Профессор Гарвардского университета А. Улам писал, что процесс революционного развития, происходящий в XX веке, в том числе и Октябрьская революция, — всего лишь повторение индустриальной революции, которая прошла в западноевропейских обществах еще в первой половине XIX в.⁷⁵

Попытка объяснить Октябрьскую революцию необходимостью развития отсталой страны в условиях мирового процесса индустриализации нашла свое наиболее полное выражение в работах Т. фон Лауэ. В его статье, опубликованной в октябрьском номере журнала «Soviet Studies» за 1967 г., утверждается, что Россия в 1917 г. стремилась к западному образцу развития, который теперь стал мировым прототипом⁷⁶. Подробно эта точка зрения развита Т. фон Лауэ в его книге, вышедшей в свет в 1964 г. под весьма интригующим и рассчитанным на сенсацию заголовком «Почему Ленин? Почему Сталин? Переоценка русской революции. 1900—1930»⁷⁷. В предисловии к своей книге Лауэ обещал «рассмотреть возникновение русского коммунизма как неразрывную часть европейской и мировой истории»⁷⁸. Однако все содержание книги свидетельствует о том, что ее автор поставил себе задачу доказать исключительность исторического развития России, которое сделало Октябрьскую революцию «типично русским феноменом в духе Петра Великого, свойственным только странам на окраинах западной цивилизации»⁷⁹. Автор спешит заверить своих читателей, что большевистская революция на Западе не была возможной, поскольку в западных демократиях государство, общество и экономика переплетены в тысячу раз сильнее, чем в отсталых странах. Чтобы подчеркнуть исключительность промышленного развития России и ее отсталость накануне Октябрьской революции, Лауэ делит все русское общество на привилегированные элементы и крестьянские массы, состоявшие из собственно крестьян, крестьян-солдат и крестьян на фабриках и заводах, по его мнению, неправильно называемых пролетариями⁸⁰. Взгляды Лауэ нашли активную поддержку на уже упоминавшемся симпозиуме американского журнала «Slavic Review» (материалы симпозиума были опубликованы в мартовской книжке журнала). «Мы перестали рассматривать коммунизм как угрожающее всему миру инфекционное заболевание, — утверждал на симпозиуме историк из университета г. Майами Д. Якобс, — и видим в нем лишь определенную стадию индустриального, социального и политического развития». Другой американский историк, Дж. Каутский, развивал мысль о том, что «революции, в ре-

⁷⁴ O. Taylor. *The Classical Liberalism, Marxism and Twentieth Century*. Cambridge (Mass.), 1960, pp. 75, 77, 81.

⁷⁵ A. Ulam. *The Unfinished Revolution*. N. Y. 1960, p. 6.

⁷⁶ T. von Laue. *Op. cit.*, pp. 155—156.

⁷⁷ T. Laue. *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900—1930*. Philadelphia and N. Y. 1964.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 7.

⁷⁹ *Ibid.*, p. 224.

⁸⁰ *Ibid.*, pp. 120, 135.

зультате которых коммунистические партии пришли к власти, произошли вследствие ранней индустриализации». Дж. Каутский предлагает поместить все революции в слаборазвитых странах, куда он относит и Россию, в общую рубрику «модернизирующих революций».

Итак, экономическая и политическая отсталость — вот что, по мнению указанных буржуазных историков, породило революцию в России в 1917 г., определило своеобразие ее исторического развития. Но если значение революции сводится к индустриализации, рассуждают они далее, то надо ли вообще совершать революцию, если этих результатов можно достигнуть и в процессе мирно протекающего индустриального развития, в состоянии которого находится весь мир. Затормозить революционное преобразование мира, отвлечь вступающие на путь самостоятельного исторического творчества молодые страны от огромного влияния теории и практики социализма, склонить на путь капиталистического развития — таков смысл всех этих новейших построений буржуазных историков. Образование первого в мире социалистического государства придало невиданный размах национально-освободительному антиимпериалистическому движению, положило начало вовлечению угнетенных народов в поток мирового революционного процесса, в ходе которого десятки молодых государств Азии, Африки и Латинской Америки с населением более 900 миллионов человек добились в настоящее время свободы и независимости. Для порвавших цепи колониализма народов социализм становится сегодня притягательной силой. «Освобождение колониальных народов и экономическая помощь слаборазвитым странам, — пишет с тревогой А. Улам, — показывают их неспособность создать собственными силами новые государства с демократическими институтами или иммунитетом к коммунизму»⁸¹. Поэтому, заключает А. Улам, перед Западом стоит задача — «помочь другим обществам преодолеть опасный период, не уступая коммунизму»⁸².

Эти концепции современной буржуазной историографии Октябрьской революции по своей сути мало чем отличаются от меньшевистской теории незрелости России для социалистической революции, необоснованность которой была убедительно показана в свое время В. И. Лениным. Отвечая тем, кто невозможность дальнейшего развития революции в России выводил из отсталости и мелкобуржуазности страны, В. И. Ленин отмечал на Апрельской конференции РСДРП(б): они «забывают, что войной мы поставлены в необыкновенные условия и что наряду с мелкой буржуазией есть крупный капитал»⁸³. Развивая эту мысль в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», В. И. Ленин писал, что мировая империалистическая война необычайно ускорила превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, который являлся «полнейшей материальной подготовкой социализма»⁸⁴. В. И. Ленин никогда не отрицал отсталости царской России, но при этом всегда подчеркивал, что Октябрьская революция лежит, «конечно, по общей линии мирового развития»⁸⁵.

В последние годы советская историческая наука добилась значительных достижений в области изучения исторических предпосылок Октября, в частности в изучении экономического развития России в период империализма⁸⁶. Они убедительно показали, что дореволю-

⁸¹ A. Ulam. The Unfinished Revolution, pp. 4—5.

⁸² Ibid., p. 299.

⁸³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 444.

⁸⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 193.

⁸⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 379.

⁸⁶ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М. 1960; К. Н. Тарновский. Формирование государственно-моно-

ционная Россия может быть отнесена к числу стран со средним уровнем капитализма⁸⁷. Ее экономика находилась в зависимости от западных стран, а господство монополий, банков и высокая концентрация сочетались с крайне низким уровнем развития сельского хозяйства. Но как бы ни спекулировали на этом обстоятельстве буржуазные историки, объясняя Октябрьскую революцию отсталостью России, объективное изучение ее истории в период империализма свидетельствует о том, что одной из важнейших предпосылок первой в мире социалистической революции было наличие достаточно высокого уровня развития капитализма. Характерно, что относительно высокий уровень промышленного развития России начинают со всевозможными оговорками признавать и некоторые буржуазные исследователи. Дж. Кеннан, например, отмечает «достаточно высокую степень» индустриализации России в последние годы царизма. Но и здесь он немедленно оговаривается, что если бы не Октябрьская революция, то это развитие было бы неизмеримо выше⁸⁸.

Не затрудняя себя доказательством тезиса о незрелости капиталистического развития России накануне Октябрьской революции, некоторые американские историки тем не менее делают из этого тезиса далеко идущие выводы о том, что российский пролетариат не являлся выразителем интересов большинства страны вследствие своей малочисленности или даже почти полного отсутствия, как это утверждает Т. Лауэ. После этого уже совсем просто прийти к «выводу» о том, что «революция в России — это революция меньшинства в отсталой стране»⁸⁹. Сегодня это положение стало одним из основополагающих в буржуазной историографии. Вновь оно прозвучало в работах, приуроченных к 50-летию Октябрьской революции. Нетрудно видеть, что в современных условиях такая постановка вопроса направлена прежде всего на отрицание ведущей роли пролетариата в национально-освободительном движении, на его подчинение гегемонии буржуазии. Абстрактные рассуждения буржуазных историков о революции «большинства» и «меньшинства» носят маскировочный характер, поскольку, по выражению В. И. Ленина, «простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность, вышуплений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»⁹⁰.

Стремление американских историков умалить роль и значение пролетариата в Октябрьской революции приводит к тому, что они предпочитают говорить только о промышленном пролетариате России, который в 1917 г. насчитывал около 4 млн. человек. Между тем доля занятых наемным трудом рабочих в населении страны была несравненно большей, чем количество промышленных рабочих. Известно, что

политического капитализма в России в годы первой мировой войны. М. 1958; А. Погребинский. Государственно-монополистический капитализм в России. М. 1959; Я. И. Лившин. Монополии в экономике России (экономические организации и политика монополистического капитала). М. 1961; «Монополии и иностранный капитал в России». Сборник статей. М.-Л. 1962; В. Я. Лаверьев. Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900—1917). М. 1963; «Об особенностях империализма в России». Сборник статей. М. 1963, и др.

⁸⁷ А. Л. Сидоров. Экономические предпосылки Социалистической революции в России. «История СССР», 1957, № 4, стр. 38; П. В. Волобуев. Об общих закономерностях и национально-исторических условиях победы социалистической революции. «Вопросы истории», 1960, № 11, стр. 24; К. Н. Тарновский. К итогам изучения монополистического капитализма в России. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». М. 1962, стр. 330.

⁸⁸ G. Kennan. Op. cit., p. 4.

⁸⁹ S. Moore. Op. cit., pp. 32—33.

⁹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 41.

В. И. Ленин, разоблачая либералов и меньшевиков, твердивших об отсутствии в России социальной базы для пролетарской революции, писал в сентябре 1913 г.: «Пролетариев у нас, вероятно, около 20 миллионов... И тут цифры примерны, но *всякие* иные цифры, которые кто-либо вздумал бы обосновать точнее, лишь еще сильнее подкрепили бы мои выводы»⁹¹. В. И. Ленин, исходя из марксистской оценки авангардной роли пролетариата в революции, считал, что, несмотря на относительную малочисленность российского пролетариата, последний сумеет возглавить и организовать многомиллионные массы трудящихся. Пролетариат России, прошедший под руководством большевиков школу революционной подготовки, к 1917 году был самым организованным и революционным классом в мире, выразившим интересы громадного большинства трудящейся России. Октябрьская революция, передавая власть в руки рабочего класса, подтвердила правильность ленинской стратегии и тактики, рассчитанной на победу пролетарской революции в мелкобуржуазной России. «Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел объединить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства,— писал впоследствии В. И. Ленин,— тогда этим была бы доказана «незрелость» России для социалистической революции»⁹².

Пролетарская революция в России была подготовлена всем предшествующим ходом общественного развития, обострением до предела социально-экономических и политических отношений. Неравномерность капиталистического развития в период империализма создала объективную возможность прорыва империалистической цепи в ее слабом месте, победы социалистической революции сначала в нескольких или в одной стране. Таким слабым звеном в цепи империализма стала Россия в октябре 1917 года.

Теория конвергенции и тоска по «Февралю»

Если теория «единого индустриального общества», «модернизирующей» революции призвана «ликвидировать» пролетарский, социалистический характер Октябрьской революции, нанести ей, так сказать, удар задолго до ее начала, поставить под сомнение социалистический характер преобразований Советского государства в 20—30-е годы, то смыкающаяся с этой теорией концепция «конвергенции», по существу, преследует цель сблизить Советский Союз с буржуазным миром в последующем историческом развитии. Смысл теории «конвергенции» в том, что после Октябрьской революции (и чем ближе к нашим дням, тем более явственно) происходит «перерождение» советского строя по пути буржуазного развития. Любопытно, что разговоры о «перерождении» можно услышать от буржуазных историков как правого крыла, так и сторонников троцкистских взглядов. Ультраправые, мечтающие о наступлении эры капитализма, смыкаются с «ультралевыми» сектантами, троцкистами, которые «изучают» развитие СССР на современном этапе со своих «левых» позиций. Остановимся на этих направлениях.

Еще в середине 50-х годов начали раздаваться голоса сторонников теории «конвергенции». Э. Бук в своей книге «Русская революция с точки зрения сегодняшнего дня» писал: «За сорок лет, которые прошли со времени восстания в Петрограде, призрак коммунизма, преследующий весь мир, изменил свой облик»⁹³. Теория «конвергенции» активно проповедовалась на симпозиуме, организованном журналом «Slavic review». Д. Якобс призывал своих коллег «уяснить то общее, что свя-

⁹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 34.

⁹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 315—316.

⁹³ E. Book. Op. cit., p. 835.

зывает коммунистические и некоммунистические страны, вместо того, чтобы постоянно выискивать разницу между ними», поскольку, по мнению автора, «между коммунистическими и капиталистическими странами постепенно исчезнут различия и противоречия... Они идут навстречу друг другу, постепенно их пути сольются». Ему вторил и профессор Мичиганского университета А. Мейер: «Различия между коммунистическими и иными системами сейчас теряют свою остроту»⁹⁴. Буржуазные историки призывают своих коллег активизировать деятельность, чтобы содействовать в условиях «конвергенции» отходу советских историков от марксистско-ленинских позиций, переходу на позиции «открытого общества».

Стремясь всячески скомпрометировать советскую историческую науку, кое-кто из наиболее ретивых адвокатов капитализма призывает своих коллег выступать в роли своего рода миссионеров в области изучения русской и советской истории. Так, некий В. Фрэнк в статье, посвященной проблемам советоведения в Англии, доказывал, что при существующих в СССР порядках сами советские историки не в состоянии вести «поистине беспристрастное изучение истории цивилизации и современных институтов», поскольку «советский режим отрицает существование какой-либо истины, кроме «классовой истины». А поэтому-де западные ученые должны спасти положение и во имя выяснения объективной истины «заняться делом, которое по праву принадлежит русским историкам». И надо сказать, что подобные призывы раздаются не впервые. Они не раз уже пускались в оборот и другими такими же поборниками «объективной истины», каким является сам Фрэнк.

Еще одним приемом, получающим в последнее время все большее распространение, является попытка посеять рознь среди советских историков, противопоставить одну их часть другой и всех вместе — Коммунистической партии. При этом буржуазные идеологи немало разглагольствуют по поводу так называемого «внутрисоветского процесса эмансипации исторического исследования». Совсем недавно эти тезисы развивали Д. Гейер и А. Мендель. Буржуазные авторы настойчиво призывают советских исследователей к проявлению «терпимости» по отношению пропагандируемых ими идей. В связи с этим выдвигается предложение создать «новые и терпимые варианты» исторических концепций. При этом буржуазные авторы пытаются навязать марксистской историографии свои условия и выдать это за «сосуществование» мировоззрений, якобы необходимое для сохранения мира. Американские историки А. Шлезингер и М. Уайт в книге «Путь американской мысли» заявляют: мирное сосуществование возможно при условии, что «абсолютисты (так они именуют коммунистов.— Авт.) откажутся от намерения переделать мир согласно единому образцу».

В связи с кризисом концепций и оценок, сформулированных в разгар «холодной войны», в буржуазной историографии начался процесс переориентации, замена прежних догм новыми положениями, более соответствующими современным идеологическим и политическим условиям. Выдвижение на передний план теории «конвергенции» является ярким свидетельством попыток буржуазных историков приспособиться к динамизму изменений, происходящих в сфере борьбы двух идеологий. С помощью теоретических модификаций буржуазные ученые пытаются обосновать свои претензии на монополию в области творчества новых идей в историографии, навязать свою точку зрения историкам-марксистам. И если раньше буржуазные идеологи тешили себя надеждой на крах советской системы, то теперь они строят свои расчеты на ее перерождение в буржуазное общество.

Логическим развитием теории «конвергенции» является все более

⁹⁴ См. «Slavic Review», 1967, vol. 26, № 1.

частое обращение ее апологетов к истории Февральской революции. Где искать идеалы для современного советского общества? Только ли на буржуазном Западе? А может быть, стоит повнимательней присмотреться к русским образцам? И вот неизменно на свет вытаскиваются уже в свое время изрядно дискредитированные взгляды о том, что Февральская революция и была «настоящей» революцией, естественным развитием русской истории, а вот Октябрь перечеркнул этот естественный ход событий. Мы не собираемся здесь вдаваться в подробную критику взглядов буржуазной историографии на Февральскую революцию. Она уже дана в работах советских историков⁹⁵. Нас интересуют современные спекулятивные попытки буржуазных историков противопоставить Февральскую революцию Октябрьской и убедить своих читателей в «трансформации» сегодняшнего советского общества по пути Февраля. «Юбилейную» кампанию в этом направлении открыл А. Ф. Керенский. В своей книге «Россия и поворотный пункт истории» он выдал истерический панегирик Февральской революции: «Мы уничтожили частную собственность на землю, мы призвали к порядку капиталистов, мы предоставили абсолютную, ничем не ограниченную для каждого свободу говорить, что угодно, и действовать, как угодно». Но, может быть, его интересует научная истина, может быть, он приводит веские доводы в пользу только что высказанного положения? Отнюдь нет. Главное для автора — это пропагандистская цель, обращенная к идеологической борьбе сегодняшнего дня. «В наши дни, — заявляет Керенский, — молодое поколение России держат в неведении относительно того, что в короткий период, последовавший за Февральской революцией, Временное правительство установило для населения России не только законную свободу, но также и социальную систему, гарантирующую человеческое достоинство и материальное благополучие»⁹⁶. Латышский белоэмигрант Б. Калнинс, проживающий в Стокгольме и являющийся ныне председателем союза социалистических партий Средней и Восточной Европы, в статье «50 лет назад: демократическая революция в России» также скорбит по поводу того, что Россия получила только 8 месяцев свободы; однако он надеется, что «идеалы свободы 1917 года опять стали в последние годы актуальными для широких кругов оппозиционно настроенных советских писателей и прежде всего советской молодежи». На буржуазном книжном рынке появилось много работ, в которых противопоставляется Февральская революция Октябрьской социалистической революции. Об этом свидетельствует, в частности, историографический обзор литературы о русской революции, сделанный профессором Эрландского университета (ФРГ) Г. фон Римшей⁹⁷.

Апологеты капитализма с нескрываемой тоской вспоминают те времена, когда в России существовал помещичье-буржуазный строй, мечтают о возврате нашей страны к давно и безвозвратно ушедшему прошлому. Так, небезызвестный Б. Локкарт в своей книжке «Две революции» пишет, что при определенных условиях «возможен еще поворот советских людей с пути, по которому они сейчас идут, на старый путь буржуазного конституционализма и либерального социализма»⁹⁸. «Духом Февраля» проникнуты сегодня наиболее откровенно антисоветские высказывания проповедников теории «конвергенции». Так происходит смычка белоэмигрантских и троцкистских взглядов начала 20-х годов и сегодняшней буржуазной историографии истории Ок-

⁹⁵ Г. З. Иоффе. Англо-американская историография о Февральской революции в России. «Исторические записки», Т. 78; И. М. Пущкарева. Историография Февральской революции в России. «Вопросы истории», 1967, № 2.

⁹⁶ А. Керенский. Russia and History's Turning Point. N. Y. 1965, p. 223.

⁹⁷ «Neue politische Literatur». VI. Jg. 1961. Hf. 3, S. 203—214.

⁹⁸ Б. Локкарт. Две революции. Лондон. 1957, стр. 102.

тябрьской революции и последующего пятидесятилетнего развития советского общества. Как видим, основной упор в теории «конвергенции» делается на раскол советского общества изнутри, на навязывание ему чуждых марксизму-ленинизму взглядов, на наведение идеологических мостов к тем «представителям советского общества», которые не прочь идти по этим мостам в сторону Запада.

Отмеченные выше некоторые особенности современной буржуазной историографии Октябрьской революции показывают, что частичный пересмотр и модернизация концепций Октябрьской революции, отход от примитивизма в борьбе с марксистской исторической наукой, усложнение аргументации — все это вызывается прежде всего требованием «шагать в ногу со временем», стремлением совершенствовать формы и методы идеологической борьбы на современном этапе. Было бы неправильным — и в научном плане и в политическом — представлять антимарксистскую историографию как нечто «монолитное». В буржуазной исторической науке существуют отдельные течения и направления, выдвигающие различные интерпретации и оценки Октябрьской революции. В то же время было бы также неверно не видеть за всеми этими течениями и направлениями того общего, что является характерной чертой всей реакционной буржуазной историографии: антикоммунизм и антисоветизм, что не только не исключает, но и предполагает преднамеренную фальсификацию исторического процесса. Долг советских историков — внимательно следить за всеми модификациями современной буржуазной историографии, помнить, что «нет и не может быть нейтрализма в борьбе с буржуазной идеологией, антикоммунизмом»; что борьба с буржуазной идеологией — «это классовая борьба, борьба за человека, за торжество свободы и прогресса человечества»⁹⁹.

⁹⁹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС. М. 1967, стр. 48.